

СТАЛИНСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ И ХОЗЯЙСТВЕННИКИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1950–1980-х гг.: ОТ ПЕРВЫХ ПОДХОДОВ ДО РЕВИЗИОНИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Аннотация.

Актуальность и цели. Сегодняшнее широкое обращение отечественных исследователей к изучению социальной политики советских властей в эпоху сталинизма породило особый интерес к достижениям зарубежной историографии в этой сфере. Парадоксальным образом в советский период именно зарубежные исследователи сталинизма шли в авангарде научного поиска, именно там возникали наиболее адекватные изучаемому материалу историографические концепции. Цель работы – проанализировать трансформацию историографических подходов зарубежных историков в 1950–1980-е гг. к вопросам социальной политики советских властей в отношении инженеров и промышленников в 1930-е гг., а также в целом к эволюции этих социальных групп.

Материалы и методы. Реализация указанных целей была достигнута на основе изучения всех основных работ американских, английских и австралийских историков по указанным проблемам за период с момента начала специализированных исследований в этой сфере в 1950-е гг. до расцвета ревизионистской историографии в 1980-е. При подготовке работы использовался весь набор основных методов историографических исследований: классификация и типологизация, построение идеальных типов, периодизация, историко-генетический и сравнительно-исторический методы.

Результаты. Исследовано развитие историографических концепций зарубежных историков, изучавших вопросы социальной трансформации таких слоёв советского общества 1930-х гг., как инженеры и директора промышленных предприятий, а также политики сталинских властей в этой сфере.

Выводы. Исследование показало, что именно в сфере истории советских инженеров и промышленников наиболее отчётливо прослеживается переход зарубежной историографии сталинизма от тоталитаристской к ревизионистской концепции. Иностранцами исследователям, вопреки отсутствию сколько-нибудь широкого доступа в советские архивы, удалось создать чёткую и непротиворечивую картину развития данных социальных групп, на которую и по сей день опираются новые поколения историков.

Ключевые слова: сталинизм, историография, инженеры, директорский корпус, ревизионизм, индустриализация.

М. V. Zelev

STALIN'S ENGINEERS AND ECONOMIC EXECUTIVES IN FOREIGN HISTORIOGRAPHY OF 1950s–1980s: FROM FIRST APPROACHES TO REVISIONIST COMMISSION

Abstract.

Background. Nowadays, Russian researchers are paying increased attention to studying the social policy of soviet authorities during the Stalin's period, causing a special interest to achievements of the foreign historiography in the given field. It was the foreign researchers of Stalinism who ironically were the vanguard of

scientific search in the soviet period, they created historiographic concepts being the most adequate to the material under investigation. The aim of the article is to analyze the transformation of historiographic approaches of foreign historians in 1950s–1980s to the problems of the social policy of soviet authorities regarding engineers and industrialists in 1930s, as well as to evolution of the given social groups.

Materials and methods. Realization of the stated goals was achieved through studying of main works by American, English and Australian historians on the given problems for the period since the beginning of the specific research in the given field in 1950s till the rise of the revisionist historiography in 1980s. In preparation of the work the author used a set of basic methods of historiographic research: classification and typologization, formation of ideal types, periodization, historical-genetic and comparative-historical methods.

Results. The authors researched the development of the historiographic concepts, created by foreign historians, who studied the problems of social transformation of such groups of the soviet society of 1930s, as engineers and directors of industrial enterprises, as well as the policy of Stalin's authorities in the given field.

Conclusions. The research shows that it is the field of soviet engineers' and economic executives' history that most clearly indicates the transformation of the foreign historiography of Stalinism from totalitarian one to the revisionist concept. Foreign researchers, in defiance of the lack of somewhat open access to the soviet archives, managed to create a clear and consistent pattern of social groups' development, that still remains the base for new generations of historians.

Key words: stalinism, historical studies, revisionism, industrialization, engineers, managers.

Проблемы, связанные с положением и ролью в советском обществе 1930-х гг. технических специалистов и директоров промышленных предприятий, являются одними из наиболее хорошо разработанных тем в зарубежной русистике. Внимание к ним неслучайно. Само положение этих профессиональных групп в обществе, переживающем форсированную индустриализацию, было во многом уникальным. Соответственно, и исследование связанных с ними вопросов нередко оказывалось ключом к разрешению основных проблем и парадоксов советской истории 1930-х гг. В самом деле, оказавшись в центре общественного внимания в марте 1928 г. в связи с объявлением о раскрытии «шахтинского дела», технические специалисты и управленцы-промышленники на протяжении всего последующего десятилетия оставались в самой гуще сложнейших социально-экономических, политических и культурных процессов, так или иначе порождённых сталинской промышленной и социальной политикой. При этом эти профессиональные группы одновременно испытывали воздействие трудно совместимых, противоположных, противоречивых тенденций правительственной политики – от широких жестоких репрессий до стремительного и столь же широкого выдвижения их представителей в ряды правящей элиты. Вспомним, что, начиная с эпохи «большого террора» 1937–1938 гг., именно инженеры стали основным источником пополнения рядов советской номенклатуры.

Почему на всем протяжении 1930-х гг. положение технических специалистов и хозяйственников оставалось столь противоречивым? Почему репрессии обрушились на инженеров и техников в годы «великого перелома», когда промышленность крайне нуждалась в квалифицированных административно-технических кадрах, когда на счету был, без преувеличения, каждый

мало-мальски технически грамотный человек? Почему в одно и то же время инженеры и директора страдали под гнётом политических репрессий и получали всё новые материальные и символические привилегии? Почему, наконец, начиная с 1937 г., пополнение номенклатуры именно из числа инженеров стало одной из самых устойчивых традиций кадровой политики советского руководства? Ответы на эти вопросы позволяли многое прояснить в динамике экономического и социально-политического развития советского общества 1930-х гг. Да и с точки зрения изучения генезиса брежневской партийно-хозяйственной номенклатуры, на 2/3 состоявшей из выходцев из инженерной среды, данная тема представлялась чрезвычайно актуальной, что и предопределило к ней давний интерес иностранных историков.

От официальной советской историографии сложно было ожидать получения ответов на эти вопросы. Постоянный контроль со стороны правящих кругов за развитием исторической науки во многом сдерживал совершенствование её теоретико-методологического инструментария, способствовал ограничению тематики исследований, преобладанию статистических подсчётов над качественным анализом, известной предопределённости выводов. Практически не исследованным оставалось влияние на развитие специалистов и хозяйственников «большого террора» 1936–1938 гг. За гранью научного анализа остался целый комплекс проблем, связанных с репрессивной политикой государства в отношении специалистов, её зависимостью от внутренних противоречий советской экономической системы, от динамики экономического развития. Не получили должного освещения многие важные стороны жизнедеятельности этих социальных групп. Не удивительно поэтому, что именно в зарубежной русистике начали оформляться основные методологические подходы и концепции в области истории технических специалистов и управленцев в советской промышленности, которые впоследствии стали активно заимствоваться и развиваться уже в отечественной постсоветской историографии.

В первом приближении. Уже первые исследования в этой области оказались новаторскими благодаря предлагаемым в них подходам к анализу изучаемых профессиональных групп. В 1950-е гг. в США выходят две важные работы, посвящённые директорскому корпусу и инженерно-техническому персоналу советских предприятий [1, 2]. Их авторы указали на существование скрытого сопротивления советского директорского корпуса экономической политике правительства в 1930-е гг., выражавшегося в занижении производственных мощностей, противодействии повышению эффективности производства, сокрытию брака и т.п. Д. Граник, в частности, обратил внимание на значительную степень самостоятельности советских директоров, на создание ими на предприятиях собственных маленьких империй. Он подчёркивал, что в советских условиях директору приходилось быть прежде всего предпринимателем, руководствоваться собственными инициативой и здравым смыслом, чтобы выполнять противоречивые требования, приказы и ожидания сверху, срезать углы и нарушать различные правила ради поддержания работы своего завода [1]. Эту тему развил Дж. Берлинер. Он отмечал, что массовое использование директорами предприятий незаконных приёмов (увеличение различного рода резервов на предприятии, стремление занижить плановые показатели, симулирование выполнения планов, использование

личных связей) вызвано значительными трудностями выполнения завышенных плановых заданий и неудовлетворительным снабжением всеми производственными ресурсами. Государство было вынуждено мириться с подобной неформальной практикой, лишь удерживая её в приемлемых границах, для того чтобы не разрушить всю экономическую систему [2, с. 318–329]. Примечательно, что исследования Д. Граника и Дж. Берлинера появились в то время, когда господство тоталитарной концепции в зарубежной русистике достигло своего пика. Своими выводами, основанными на анализе реальной практики производственных отношений в СССР, они подрывали многие из господствовавших на Западе в тот период представлений о советской экономической и политической системе, как и многие из положений тоталитарной схемы.

Более близким к классическому тоталитарному подходу к анализу советской довоенной действительности оказалось исследование Дж. Эзрейела «Власть менеджеров и советская политика» (1966). Анализируя динамику смены поколений административно-технического персонала советских предприятий, Дж. Эзрейел делал вывод в духе тоталитарного подхода о полной лояльности и пассивности сталинских выдвиженцев 1937–1938 гг. на ведущие посты в промышленности, ставших самой влиятельной группировкой в советской элите. Более интересен его анализ поведения поколения «красных директоров», уничтоженного в годы «большого террора», которому была свойственна известная степень оппозиционности политике форсированной индустриализации и вмешательству в управление партийных и профсоюзных организаций [3].

Напротив, работа В. Андрле возвращалась к прежним выводам Д. Граника и Дж. Берлинера о широкой, но нелегальной автономии директоров предприятий. При этом всегда существующая угроза ужесточения политики государства в хозяйственной сфере делала необходимым для директоров в целях самозащиты налаживание неформальных личных связей с партийными и государственными чиновниками. В. Андрле делал вывод о складывании в советской промышленности «объединённых межинституциональных клик», участники которых гибко пользовались соответствующими официальными привилегиями ко взаимной выгоде [4, с. 145].

Ревизионистская волна. Однако настоящий всплеск исследований по этой теме произошёл в иностранной историографии с появлением в ней в 1970-х гг. нового ревизионистского направления, ставшего мощной реакцией на неспособность тоталитарной концепции удовлетворительно объяснить советскую историю. Историки-ревизионисты подошли к предмету своего исследования как социальные историки, стремясь к пониманию исторического процесса как результата взаимодействия социальных сил, решительно отвергая концепцию всемогущего государства, делающего с обществом всё, что захочет. Именно в этом заключалось коренное отличие ревизионистской концепции от тоталитарной модели. Соответственно менялся и угол зрения, под которым рассматривалось историками советское общество. Их внимание оказалось сосредоточено не только и не столько на действиях государства, сколько на динамике отношений между различными социальными классами и слоями. Это позволило им показать социально-экономическую подоплёку действий правительства, которые рассматривались теперь не как беспричин-

ные проявления абсолютной власти, а как ответ на проблемы социального порядка. Социально-политическая ситуация в России 1930-х гг. предстаёт в работах ревизионистских историков как борьба государства против множества частных интересов, саботирующих государственный курс на форсированную индустриализацию. Причём это был не только конфликт между государством и обществом, но и между различными органами и уровнями государственной власти, лишний раз подчёркивающий отсутствие в полном смысле тотального контроля не только за обществом, но и за государственным аппаратом¹.

Уже во второй половине 1970-х гг. выходят три крупные монографии, посвящённые этому вопросу: «Технология и общество при Ленине и Сталине: Происхождение советской технической интеллигенции, 1917–1941» (1978) американского историка Кендэлла Бейлса, «Техническая интеллигенция и Советское государство: Исследование советских хозяйственников и техников, 1928–1935» (1979) английского учёного Николаса Ламперта и «Образовательная и общественная мобильность в Советском Союзе, 1921–1934» (1979) американской исследовательницы Шейлы Фицпатрик [5–7]. В них в наиболее развёрнутом виде была представлена новая концепция истории технических специалистов и директорского корпуса в годы сталинской догоняющей индустриализации.

В центре внимания монографии Ш. Фицпатрик оказались вопросы массового выдвижения рабочих в ряды технических специалистов, прежде всего путём значительного облегчения получения ими высшего и среднего специального образования в годы «культурной революции» 1928–1931 гг. Ш. Фицпатрик рассматривает культурную революцию как сложный социально-политический феномен, вызванный кризисом нэпа. Её основное содержание – открытие возможностей для широкого проникновения в административную и профессиональную элиту молодых коммунистов, прежде всего из числа рабочих. Государство пыталось «использовать восходящую мобильность рабочего класса, чтобы создать лояльную элиту, способную руководить индустриализирующимся государством» [6, с. 14]. Рабочие были единственным социальным классом, на который могли опереться большевики. Ни старая интеллигенция, ни крестьяне, ни служащие не вызывали доверия у правящих кругов [6, с. 15]. Острая потребность политического режима в инженерно-технических кадрах совпала с растущим стремлением рабочих улучшить своё социальное положение. В период нэпа возможности подобного улучшения были сильно ограничены, несмотря на определённые льготы для поступления в вузы, существовавшие для выходцев из рабочей среды. Ограничение воз-

¹ О значении и методологии ревизионистской историографии см., например, дискуссию на страницах журнала «Отечественная история»: Отечественная история. 1998. № 5. С. 107–121; 1999. № 3. С. 121–141. См. также: Розенберг У. Г. История России конца XIX – начала XX в. в зеркале американской историографии // Россия XIX – XX вв. Взгляд зарубежных историков. М., 1996. С. 8–28; Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001; Миرون Б. Н. Пришёл ли постмодернизм в Россию? Заметки об антологии «Американская русистика» // Отечественная история. 2003. № 3. С. 135–146. См. также полемику М. Малии и Дж. А. Гетти на страницах журнала “The Russian Review”: Russian Review. 2002. V. 61, № 3. P. 477–478; № 4. P. 664.

возможностей рабочих на получение образования и повышение своего социального статуса было одной из главных причин их недовольства нэпом, порождавшего радикальные антиинтеллигентские и антибюрократические настроения в рабочей среде [6, с. 16]. Именно эти настроения стали основой «революции снизу», т.е. мощного давления рабочих на власти в пользу более радикальной социальной политики [6, с. 6–7].

В результате культурной революции в 1928–1931 гг. были открыты широкие возможности для социального выдвижения тех слоев населения, которые не имели их в период нэпа. По подсчётам Фицпатрик, в 1932/33 учебном году 2/3 студентов относились к тем, кто не смог бы поступить в вузы в годы нэпа, в том числе половина из них была выдвиженцами из числа молодых рабочих и коммунистов [6, с. 187–189].

Кризис культурной революции чётко обозначился в 1931 г. К этому времени были исчерпаны ресурсы выдвижения, резко снизился уровень образования. Хозяйственники всё настойчивее стали требовать укрепления своей власти на производстве, прекращения репрессий против старых специалистов. Власти начинают проводить политику «восстановления порядка». Однако и после 1931 г. реального ограничения доступа к высшему образованию, а следовательно, и возможностей повышения своего социального статуса рабочими, не произошло [6, с. 209–239].

Главным же итогом культурной революции 1928–1931 гг. стало, по мнению учёного, появление в среде технических специалистов мощной генерации выдвиженцев из рабочей среды. Именно эту прослойку сталинское руководство стало всё более рассматривать как основной резерв для обновления рядов номенклатуры. Но почему именно их? Почему с началом форсированной индустриализации происходит постепенный пересмотр кадровой политики советского руководства? Ведь ещё в период нэпа в качестве будущей смены руководящих кадров рассматривались коммунисты с гуманитарным образованием. Попытка разобраться в этом вопросе и проследить постепенное изменение приоритетов кадровой политики является одним из главных достоинств работы. Ш. Фицпатрик отнесла начало этого процесса ещё к 1923–1924 гг., когда в ходе внутрипартийной дискуссии значительная часть студентов-гуманитариев поддержала позицию Л. Д. Троцкого. Именно тогда, по мнению автора, советское руководство разочаровалось в этом сильно политизированном, склонном к самостоятельному политическому мышлению слое партийной молодёжи. Именно тогда правящие круги обращают свои взоры на техническое образование как на более достойную среду для подготовки своей смены [6, с. 92–100]. Поколение инженеров-выдвиженцев первой пятилетки обладало столь ценными в глазах правящей верхушки качествами, как политическая надёжность, прагматизм, благополучное социальное происхождение, столь нужные обществу технические знания, преданность руководству и лично Сталину, обеспечившим им столь стремительную карьеру. Именно они заняли место репрессированных в годы «кадровой революции» [6, с. 242–245; 8, с. 149–180].

Глубокий анализ положения инженерно-технической интеллигенции и хозяйственников в конце 1920-х – середине 1930-х гг. представил в своей монографии Н. Ламперт. Главная цель его работы – выяснить причины той волны репрессий, что обрушилась на старых технических специалистов

в 1928–1931 гг. после периода её сближения с правящими кругами в годы нэпа. По мнению Н. Ламперта, сближение коммунистов со старыми специалистами в годы нэпа объяснялось преобладанием в этой среде аполитичных настроений. С технической интеллигенцией в силу отсутствия у неё политических амбиций было достаточно легко достигнуть взаимопонимания. Правящий режим успешно использовал особенности профессионального самосознания и патриотические чувства русских инженеров, стремившихся активно работать ради развития производительных сил России [7, с. 25–28].

В годы «великого перелома» подобная ситуация была уже невозможна. Форсированная индустриализация потребовала от инженеров иного, более высокого уровня мотивации трудовой деятельности. Следовало искоренить вполне глубокий и вполне обоснованный скептицизм специалистов в отношении пятилетнего плана, заставить инженеров в большей степени считаться с интересами государства. Поэтому главным императивом развернувшейся кампании стало решительное утверждение приоритета политических требований над профессиональными знаниями. Борьба с политическим нейтрализмом ИТР, как подчёркивает Н. Ламперт, была отражением реальной борьбы между частными и общественными интересами. Скептицизму, аполитизму и обывательским настроениям в интеллигентской среде были противопоставлены большевистская воля и энтузиазм, духу кастовости и профессиональной солидарности инженеров – общественный дух. И в известной степени правительство добилось своего [7, с. 25–28]. Этими же задачами объясняется и намерение правительства создать новую интеллигенцию из выходцев из пролетарской среды, которая по своему социальному происхождению и своим социальным обязательствам в большей степени отождествляла бы себя с государственными интересами [7, с. 38–55].

Большое внимание в работе было уделено разработке вопросов взаимоотношений специалистов с рабочими и директорами предприятий. Автор отметил тенденции к сращиванию интересов ИТР и директорского корпуса предприятий как в период нэпа, так и в первой половине 1930-х гг. Ещё в 1920-х гг. отношения между специалистами и «красными директорами» складывались достаточно гармонично. В 1928 г. основную массу директорского корпуса составляли бывшие рабочие (63 %), члены ВКП(б) (89 %), не имевшие высшего специального образования (72 %). Их техническая малограмотность делала их дальнейшую карьеру заложницей успешного технического руководства предприятием со стороны старых специалистов. Именно успешная или, наоборот, неудачная работа вверенного ему предприятия служила основным критерием оценки деятельности директора вышестоящим руководством. Это заставляло директоров отказываться от чрезмерных контроля и вмешательства в действия главных инженеров по руководству предприятиями, налаживать с ними тесное взаимодействие. В свою очередь специалисты искали у директоров покровительства и защиты от нападков рабочих, партийных и профсоюзных организаций. И директора, и инженерно-технические работники предприятий были заинтересованы в том, чтобы выставить работу предприятия перед вышестоящими органами в выгодном для себя свете, скрыть недостатки и просчёты в своей производственной деятельности. Итогом развития этих тенденций стало начало складывания на государственных предприятиях хозяйственно-бюрократических кланов, объеди-

нявших директоров и верхушку технического персонала. После волны репрессий, прокатившейся по промышленности в 1928–1931 гг. и разрушившей многие из подобных кланов, эта тенденция не исчезла, но лишь усилилась, отражая присущее административно управляемой экономике стремление к формированию системы вертикальных сделок. Н. Ламперт отмечает включение в подобную практику взаимоотношений региональных органов управления и заводских партийных комитетов [7, с. 22–24, 30, 83–86, 105].

Описывая взаимоотношение административно-технического персонала промышленных предприятий и рабочих в условиях форсированной индустриализации в 1930-е гг., Н. Ламперт отметил усиление позиций заводской администрации, опиравшейся на поддержку карательных органов, партийных и профсоюзных организаций. С 1931 г. власти перестали поощрять давление со стороны рабочих на специалистов. Резко ослабили позиции профсоюзов, ранее нередко поддерживавших требования рабочих к администрации, что, наряду с атмосферой подозрительности вокруг специалистов после шахтинского дела (1928 г.), создавало благоприятные условия для производственных конфликтов и способствовало всплеску *спецедействия*. Теперь власти перестали выдавать враждебность рабочих к техническому персоналу за целительную критику. Открытые проявления конфликтов между рабочими и ИТР ушли в прошлое. Правительство провозгласило курс на укрепление единоначалия. В то же время заинтересованность хозяйственников в сохранении на предприятии рабочей силы заставляла их сочетать грубый нажим на рабочих с определённым потаканием им. Директора и линейные менеджеры стремились нередко противопоставить себя в глазах рабочих нормировщикам, вышестоящим управленческим звеньям, закрывали глаза на прогулы, брак, превышали лимиты на заработную плату [7, с. 108–134].

К. Бейлс предложил рассмотреть проблему взаимоотношений Советской власти и технических специалистов в духе пользовавшейся в 1920-е гг. значительной популярностью в интеллектуальных кругах технократической концепции. Автор отмечает постепенное и неуклонное развитие технократических тенденций, означавших утверждение в обществе власти инженеров и учёных, приведшее к глубокой интеграции инженеров и власти уже к концу 1930-х гг. К. Бейлс отмечает, что уже вскоре после революции начали складываться рабочие взаимоотношения между правящим режимом и специалистами-инженерами. Их сближали присущие и тем, и другим технократизм, вера в развитие производительных сил и возможность управления природой. Их разделяло отношение к вопросам собственности, профессиональной автономии и политического устройства [5, с. 409–410].

Кризис в их взаимоотношениях в 1928–1931 гг. был вызван, по мнению К. Бейлса, стремлением правящих кругов предупредить претензии технической интеллигенции на большую роль в обществе, а также преодолеть оппозицию планам форсированной индустриализации. Он считал, что потенциальный союз между технической интеллигенцией и представителями «правого уклона» в правящей партии мог бы представлять очень серьёзную угрозу для политики сталинского руководства. Стремясь подкрепить своё предположение, автор подробно рассматривает все известные ему проекты общественного устройства, вышедшие из инженерной среды в до- и послереволюционной России и предлагавшие значительно усилить роль инженеров в управ-

лении государством. Основным носителем подобных тенденций в 1920-е гг. К. Бейлс считает членов Всероссийской ассоциации инженеров – узко профессиональной и подчёркнуто политически нейтральной организации [5, с. 97–120].

Кампания репрессий против старых специалистов в сочетании с ускоренным выдвижением новой группы «красных» специалистов стала ответом И. В. Сталина на эту угрозу [5, с. 119–120]. К 1931 г. с разгромом правого уклона, установлением жёсткого контроля над старыми специалистами, появлением нового поколения преданных режиму специалистов угроза со стороны технических специалистов была устранена [5, с. 154–156], вновь возобладало стремление к сотрудничеству и сближению между властями и инженерством. Но теперь уже технократические тенденции стали развиваться прежде всего в рамках самой партии [5, с. 140].

Учёный подчёркивает тесную связь между репрессиями 1928–1931 и 1936–1938 гг. Обе кампании были направлены против потенциальной угрозы альянса хозяйственников и технических специалистов, оппозиционного проводимому политическим руководством экономическому курсу. К. Бейлс отмечает установление тесных связей между ИТР и хозяйственниками, объединёнными общими интересами снижения плановых заданий [5, с. 267–270]. Выдвижение же инженеров в ряды правящего класса в 1937–1938 гг. привело к новой, ещё более мощной технократической волне. Стоит отметить, что уже в 1990-е гг. использованный Бейлсом «технократический» подход завоевал широкое признание среди отечественных историков, исследующих процессы формирования правящей элиты в России [9, 10].

Тема положения советской технической интеллигенции была затронута уже в 1980-е гг. американским историком-ревизионистом Льюисом Зигельбаумом. Его важнейшее исследование было посвящено истории стахановского движения [11]. Л. Зигельбаум рассматривает «кадровую революцию» 1937–1938 гг. в производственной сфере как результат стремления центра разрушить семейные гнёзда администрации предприятий и местных партийных чиновников, ставших основными носителями застойных явлений на производстве [11, с. 121]. Стахановское движение предстаёт, таким образом, последней перед «большим террором» попыткой сравнительно мирным, ненасильственным образом встряхнуть внутреннюю структуру предприятий, опираясь на мощное материальное стимулирование передовых рабочих, попыткой интенсификации производства без реального расширения автономии предприятий [11, с. 295–299]. Хозяйственники и ИТР оказались зажатыми между растущим давлением сверху и провоцируемыми подозрениями в саботаже снизу. На непродолжительное время власть мастеров, начальников цехов, отделов действительно была ослаблена. От административно-технического персонала теперь требовалась значительная политическая ловкость, чтобы удовлетворить резко возросшим требованиям к ним. Однако глубокие внутренние пороки советской экономики вкупе с растущей истерией борьбы с саботажем ИТР и хозяйственников привели к нарастающему разрушительному воздействию стахановского движения на экономику. Это заставило правительство свернуть в июне 1936 г. кампанию политических обвинений хозяйственников [11, с. 113, 119, 141–142, 301–302]. Тем не менее стахановское движение сыграло важную роль в подготовке преследований хозяйственников в годы «большого террора».

Л. Зигельбаум является также автором единственной в своём роде работы, посвящённой такому отряду административно-технического персонала советской промышленности, как фабричные мастера [12, с. 127–156]. Автор попытался выяснить причины сохранения советскими мастерами в 1930-е гг. значительной роли на производстве, что так отличало их от коллег в развитых индустриальных странах. Л. Зигельбаум приходит к выводу, что это связано с целым рядом обстоятельств. Во-первых, с особенностями формирования рабочего класса в 1930-е гг., когда именно мастерам принадлежала главная роль в обучении огромной армии новых рабочих, совершенно не имевших какого-либо опыта работы в промышленности. Во-вторых, с мощным сопротивлением хозяйственников и рабочих попыткам введения научно обоснованных норм, с отсутствием развитой системы защиты прав рабочих на производстве, что объективно упрочивало положение мастеров. Наконец, в-третьих, практические и идеологические потребности правящего режима требовали найти опору в выходцах из рабочего класса в среде технических специалистов [12, с. 150–151].

В 1990 г. Х. Бальцер выступил с обобщающей статьёй по истории русской технической интеллигенции [13, с. 141–167]. Он, в частности, отметил, что в Советском Союзе высшее техническое образование превратилось прежде всего в механизм социальной мобильности, позволявший занять административную должность вне производства, избежав связанных с ним рисков и давления. Производство оставалось уделом преимущественно практиков и техников. Бегство инженеров с производства, наряду с низким качеством технического образования, не только способствовало снижению качества менеджмента, но и положило начало долгосрочной тенденции падения престижа инженерного труда и размывания профессиональной идентичности инженеров. Успехи в социальной инженерии в годы «культурной революции» обернулись высокими долгосрочными издержками [13, с. 151–166].

К концу 1980-х гг. иностранные историки, особенно представители ревизионистской школы, достигли значительных успехов в исследованиях по истории советской технической интеллигенции, разработав ряд весьма продуктивных подходов к этой теме, которые, впрочем, практически не использовались советскими историками. Вместе с тем их исследования сдерживались недоступностью основной массы советских архивных источников.

Список литературы

1. **Granick, D.** The Management of the Industrial Firm in the USSR / D. Granick. – New York, 1954.
2. **Berliner, J. S.** Factory and Manager in the USSR / J. S. Berliner. – Cambridge (Mass.), 1957.
3. **Azrael, J.** Managerial Power and Soviet Politics / J. Azrael. – Cambridge (Mass.), 1966.
4. **Andrle, V.** Managerial Power in the Soviet Union / V. Andrle. – Farnborough (Westmead.) & Lexington (Mass.), 1976.
5. **Bailes, K. E.** Technology and Society under Lenin and Stalin: Original of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941 / K. E. Bailes. – Princeton (N. J.), 1978.
6. **Fitzpatrick, Sh.** Educational and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934 / Sh. Fitzpatrick. – Cambridge (Mass.), 1979.
7. **Lampert, N.** The Technical Intelligentsia and the Soviet State: A Study of Soviet Managers and Technicians, 1928–1935 / N. Lampert. – London & Basingstoke (Hamp.), 1979.

8. **Fitzpatrick, Sh.** *Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia* / Sh. Fitzpatrick. – Ithaca (N. Y.), 1992.
9. **Николаев, А. Н.** Исторические аспекты становления российской технократической элиты (1921–1996 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук / Николаев А. Н. – Саратов, 1996.
10. **Абрамов, В. Н.** Техническая интеллигенция России в условиях формирования большевистского политического режима (1921 – конец 30-х гг.) / В. Н. Абрамов. – СПб., 1997.
11. **Siegelbaum, L.** *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941* / L. Siegelbaum. – Cambridge (Mass.), 1988.
12. **Siegelbaum, L.** *Masters of the Shop Floor: Foremen and Soviet Industrialization* / L. Siegelbaum // *Stalinism: Its Nature and Aftermath*. – Basingstoke (Hamp.) & London, 1992. – P. 127–156.
13. **Balzer, H.** *Engineers: The Rise and Decline of a Social Myth* / H. Balzer // *Science and the Soviet Social Order*. – Cambridge (Mass.) & London, 1990.

References

1. Granick D. *The Management of the Industrial Firm in the USSR*. New York, 1954.
2. Berliner J. S. *Factory and Manager in the USSR*. Cambridge (Mass.), 1957.
3. Azrael J. *Managerial Power and Soviet Politics*. Cambridge (Mass.), 1966.
4. Andrieu V. *Managerial Power in the Soviet Union*. Farnborough (Westmead.) & Lexington (Mass.), 1976.
5. Bailes K. E. *Technology and Society under Lenin and Stalin: Original of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941*. Princeton (N. J.), 1978.
6. Fitzpatrick Sh. *Educational and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. Cambridge (Mass.), 1979.
7. Lampert N. *The Technical Intelligentsia and the Soviet State: A Study of Soviet Managers and Technicians, 1928–1935*. London & Basingstoke (Hamp.), 1979.
8. Fitzpatrick Sh. *Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca (N. Y.), 1992.
9. Nikolaev A. N. *Istoricheskie aspekty stanovleniya rossiyskoy tekhnokraticeskoy elity (1921–1996 gg.): dis. d-ra ist. nauk* [Historical aspect of formation of the Russian technocratic elite (1921–1996): dissertation to apply for the degree of the doctor of historical sciences]. Saratov, 1996.
10. Abramov V. N. *Tekhnicheskaya intelligentsiya Rossii v usloviyakh formirovaniya bolshevistskogo politicheskogo rezhima (1921 – konets 30-kh gg.)* [Technical intelligentsia of Russia in conditions of the bolshevik political regime formation (1921 – late 30s)]. Saint-Petersburg, 1997.
11. Siegelbaum L. *Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935–1941*. Cambridge (Mass.), 1988.
12. Siegelbaum L. *Stalinism: Its Nature and Aftermath*. Basingstoke (Hamp.) & London, 1992, pp. 127–156.
13. Balzer H. *Science and the Soviet Social Order*. Cambridge (Mass.) & London, 1990.

Зелёв Михаил Владимирович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт
фундаментальных и прикладных
исследований, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: mzelyov@mail.ru

Zelev Mikhail Vladimirovich

Candidate of historical sciences, senior
staff scientist, Research Institute
of Fundamental and Applied Research,
Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 94 (470) «928/1941»

Зелёв, М. В.

Сталинские инженеры и хозяйственники в зарубежной историографии 1950–1980-х гг.: от первых подходов до ревизионистской концепции / М. В. Зелёв // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4 (32). – С. 66–77.